

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

АКТЫ ВЫСШИХ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается система судебных актов, имеющих нормативный характер. Феномен судебного права показан в неразрывном единстве с системой организации и функционирования судебной власти в Республике Беларусь. Дается анализ основных характеристик нормативных правовых актов высших судебных инстанций. Актуализируется проблема правильного понимания актов правосудия. Особое внимание уделяется определению юридической силы заключений Конституционного Суда в системе законодательства Республики Беларусь по отношению к актам Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда. Делается вывод о том, что юридическая сила заключений Конституционного Суда характеризуется верховенством в системе законодательства (после Основного Закона) и приоритетом по отношению к постановлениям Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда. Выделенные аспекты верховенства необходимо оценивать через особенности производства, при котором в Конституционном Суде решается вопрос о проверке нормативных актов на предмет их конституционности.

Введение. Правовые исследования, направленные на анализ свойств и содержания различных источников (форм) позитивного права, могут быть осуществлены только в рамках системного подхода с учетом выявления между ними иерархических связей и взаимодействий. Совокупность источников конкретной правовой системы в результате взаимосвязи и взаимодействия ее элементов характеризуется целостностью (упорядоченностью), всецело зависимой, однако, от целого ряда объективных и субъективных факторов. На национальном уровне в систему источников права Беларуси входят нормативные правовые акты, нормативные правовые договоры и правовые обычаи, и эта общая система источников белорусского права допускает образование (функционирование) в своем составе иных *подсистем*.

Классификация соответствующих подсистем может быть проведена по самым различным основаниям. Все зависит от того, по каким критериям характеризуется тот или иной источник. К наиболее распространенным следует отнести выявление их юридической силы, особенностей формирования и функционирования, места и роли в системе правового регулирования, формы проявления юридических норм, отраслевой принадлежности. В качестве такой локальной подсистемы в настоящей публикации будет рассмотрена совокупность судебных актов, имеющих нормативный характер, т.е. системообразующим критерием избрана «привязка» источника к определенной ветви государственной власти – судебной.

Основная часть. Выяснению проблемных вопросов во многом способствует то обстоятельство, что такая подсистема актов органов судебной власти, имеющих нормативный характер, получила в Республике Беларусь юридическое закрепление как в конституционном, так и обычном порядке. Иными словами, построение и функционирование данной подсистемы осуществлено на уровне Конституции и текущего законодательства, где особое место занимает специальный Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», непосредственно посвященный определению и закреплению основных признаков нормативных правовых актов, их видов, иерархическому характеру отношений между собой.

Повышенное внимание к проблеме соотношения источников права объясняется тем, что «от вариантов ее разрешения зависит глубина познания самого права и всех связанных с ним институтов» [1, с. 3]. В плане развития белорусской правовой системы вопросы организации и существования юридической материи (ее нормативного элемента) имеют не только академическую и фундаментально-теоретическую, но и сугубо практико-прикладную значимость, а проблема судебного нормотворчества стремительно выходит на первый план. Во многом это объясняется тем, что в постсоветской Беларуси судебная власть впервые была провозглашена независимой и юрисдикция судов была существенно расширена, а образованный в 1994 году Конституционный Суд стал мощным фактором в развитии права. Социалистическая система Госарбитража была преобразована в полноценную подсистему судебной власти – хозяйственного правосудия.

Неоспоримым следует признать тот факт, что правовой контекст, в котором функционирует белорусская судебная власть, значительно изменился. И одним из самых существенных изменений следует отметить резко возросшую (и законодательно предусмотренную) возможность судебных органов влиять

на правотворческий процесс и действующую систему законодательства. Роль судей (конкретнее – высших судов) в приспособлении и отлаживании нового правопорядка требует своего переосмысления и переоценки, поэтому проблема юридических качеств и соотношения нормативных актов этих органов приобретает важнейшее значение. Однако феномен «судейского права» (как юридическая категория) должен рассматриваться в неразрывном единстве с системой организации и функционирования судебной власти, что предполагает изучение государственнообразующей составляющей. Основу исследования составляет понимание и признание нормотворческого элемента судебной функции, который, помимо упорядочения форм судебного правотворчества, требует и выяснения вопроса об их соотношении в системе построения базы источников белорусского права.

Во избежание терминологических недоразумений необходимо отметить, что в данной статье к определению понятия права используется узконормативный подход (соответствующий дефиниции Законодателя в статье 1 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»), а категория источник права выступает в специально-юридическом значении – как форма выражения правовых норм. К тому же автор намеренно отказывается от использования понятия «судебная практика» в связи с исследованием источников (форм) права в указанном выше контексте. Данная проблема требует своего самостоятельного рассмотрения и особого уточнения методологических подходов. Также необходимо выяснить, акты какого рода предполагается рассматривать в качестве источников права. По нашему мнению, это могут быть лишь постановления Пленумов Верховного Суда Республики Беларусь и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, а также заключения Конституционного Суда Республики Беларусь о признании нормативных актов неконституционными. Но здесь необходимо сделать ряд уточнений.

Поскольку постановления Пленумов во всех случаях являются лишь формой разъяснения судебной практики, по сути, играют роль субсидиарных толкований, их нельзя именовать актами правосудия. В данном случае речь идет о специфической деятельности судов высшей инстанции (вне рамок отправления правосудия) по целенаправленному анализу и обобщению решений нижестоящих судов, связанных с рассмотрением конкретных дел. Законодательная регламентация относительно постановлений Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда определена статьями 51, 52, 74, 75, 83 Кодекса «О судостроительстве и статусе судей», а также статьями 2, 10 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Как правило, постановления принимаются в связи с возникшими на практике проблемами: различным толкованием нормы; принятием новой нормы, существенно изменяющей уже существующую; множественностью судебных ошибок; пробелами в правовом регулировании и т.п.

Не существует формально-юридических оснований относить решения высших судебных инстанций по конкретным делам к источникам белорусского права, тем более рассматривая их в качестве прецедента. Безусловно, такие судебные решения становятся важнейшим ориентиром для всей последующей судебной деятельности, однако никакого законодательного правила, обязывающего суды и иные государственные органы следовать им, в Республике Беларусь не существует. Решения по конкретным делам, необходимо признать, имеют обязательную юридическую силу только применительно к рассмотренному делу, хотя на практике представляют собой нечто большее. Речь не идет о прецеденте в его истинном значении, а всего лишь о показательном примере того, как следует решать такое дело иными судами. Решения высшего судебного органа авторитетно «подсказывают» нижестоящим судам должные варианты толкования и применения правовых норм, не более того. Такого рода «прецеденты» в неявной форме признавались и функционировали всегда в отечественной (советской и постсоветской) правовой системе, что, безусловно, способствовало формированию и обеспечению единства судебной практики.

Отсутствие прецедентных норм в белорусской системе права можно аргументировать тем, что любое судебное решение всегда должно основываться только на нормативном правовом акте либо нормативном договоре. Белорусский правопорядок не является исключением из правил.

Как указывает И.Ю. Богдановская [2, с. 10], правовые системы романо-германского типа исходят из концепции *Res judicata*, согласно которой судебное решение является обязательным только для сторон, участвующих в деле. Судейское усмотрение вне законодательной модели допустимо в Беларуси лишь в ситуации, когда ввиду отсутствия соответствующих норм дело приходится решать по аналогии (статья 5 Гражданского кодекса Республики Беларусь, статьи 1, 72 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» и др.).

Можно констатировать, что, вопреки достаточно распространенному мнению, в системе судов общей юрисдикции и системе хозяйственных судов актов правосудия как источников права не существует, а соответствующие постановления Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда следует именовать нормативными актами судебных органов, что предполагает их включение в законодательство Республики Беларусь и систему источников белорусского права.

Не подлежит сомнению, что категорией «источник права» не охватываются разнообразные информационные письма высших судебных органов и их своеобразные ответы на вопросы, публикуемые в обзорах судебной практики. Такие обобщения или обзоры судебной практики (судебных решений) мож-

но рассматривать широкоизвестной и информативной формой распространения судебных решений. Учитывая тот факт, что обобщения проводит вышестоящий суд, такого рода материалы, конечно же, во многом определяют процесс судебного правоприменения в Беларуси, хотя императивного законодательного правила следовать этим материалам ни в каком нормативном акте не закреплено.

В белорусской правовой системе существует лишь один вид актов правосудия, который относится к системе источников права, – это заключения Конституционного Суда Республики Беларусь, посредством которых Конституционный Суд осуществляет правокорректирующую функцию относительно нормотворчества всех без исключения субъектов, направленную на обеспечение верховенства Основного Закона.

В белорусской науке по проблеме юридической природы и места в правовой системе актов конституционной юрисдикции высказываются самые различные мнения, в том числе взаимоисключающие, но всестороннего специального исследования до сих пор не осуществлено. Лишь в некоторых работах отдельные фрагменты имеют отношение к данной проблематике. Так или иначе, как верно указывает российский автор Л.В. Лазарев [3, с. 17], в самом общем плане дискуссия концентрируется вокруг проблемы, являются ли акты конституционной юрисдикции источниками права. Дело в том, что во многих новейших учебниках и монографиях по теории государства и права, конституционному и иным отраслям права при освещении вопроса об источниках права решения конституционных судов зачастую не упоминаются ни в каком качестве, а если и упоминаются, то порой отрицается правомерность их отнесения к системе источников права.

Рассматриваемая проблема представлена следующим образом. Одни авторы считают акты конституционной юрисдикции источником права, его отраслей в форме нормативного правового акта, акта общенормативного значения либо судебного прецедента. Другие квалифицируют как содержащие только официальную конституционную доктрину, как акты толкования, не создающие норм права, правоприменительные акты или акты преюдициального значения, либо как лишь акты оценки норм права (нормативного акта) с позиций конституционности. Рассматриваемая проблема, не успев возникнуть, сразу оказалась одной из самых дискуссионных, отгеснив на второй план спор о правовой природе постановлений пленумов судов общей и специальной юрисдикции.

Свои полномочия Конституционный Суд Республики Беларусь реализует, принимая решения различного вида, определенные статьей 24 Кодекса о судостроительстве и статусе судей и Законом о Конституционном Суде (статьи 36, 50): заключения, представления, запросы, послания, регламент, акты организационного характера. Из всех видов решений Конституционного Суда основным является заключение, обладающее отличной от других решений юридической природой, поскольку вследствие вынесения заключения Конституционным Судом нормативные правовые акты, признанные им неконституционными, утрачивают свою юридическую силу. Только такой акт правосудия может именоваться источником права и претендовать на свое место в системе нормативных актов, принятых органами судебной власти в Республике Беларусь наряду с постановлениями Пленумов Верховного Суда Республики Беларусь и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь.

Появление в белорусском праве актов судебного нормоконтроля требует определения их места не только в общей системе источников национального права, но и в соответствующей *подсистеме* актов судебного нормотворчества. Важной проблемой является выяснение характера иерархических связей между нормативными актами высших органов судебной власти в системе законодательства Республики Беларусь, более конкретно – места заключений Конституционного Суда среди постановлений, принимаемых Верховным Судом и Высшим Хозяйственным Судом.

Функциональный анализ судебной системы Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что Конституционный Суд, Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд в своей деятельности занимаются осуществлением функций разных отраслей судопроизводства и с позиций современной государственно-правовой теории все три указанные инстанции – самостоятельные элементы единой судебной власти.

Было бы ошибочным полагать, что Конституционный Суд стоит во главе всех судов, когда речь идет об организационных аспектах государственной власти. Данное предположение некорректно. В этой связи Н.В. Сильченко отмечает, что «все они находятся на вершине пирамиды судебной власти и каждый из этих органов исполняет только ему свойственные функциональные обязанности в границах судебной системы и, более широко, – в границах государственной власти» [4, с. 65].

Российский автор С.Э. Несмеянова пишет: «... из единства судебной власти не следует наличие единого высшего судебного органа. Единство должно быть обеспечено четким разграничением компетенции между судами, без пробелов и пустот [...]. Следует констатировать тот факт, что российским законодательством не предусмотрено создание высшего судебного органа, которому подчинялись бы все остальные. Каждый из судебных органов наделен собственной компетенцией и не имеет права вмешиваться в деятельность судов иной юрисдикции» [9, с. 365]. Обосновывая особое место конституционного суда в судебной системе государства, Н.В. Витрук вместе с тем подчеркивает, что оно «определяется не иерархической подчиненностью ему других видов судов, а его компетенцией, характером деятельности,

оказывающей существенное влияние на правотворчество и правоприменение» [10, с. 161]. Иное дело, когда конституционные суды оправданно характеризуют как высшие органы конституционного контроля.

Не ставя под сомнение важную роль Конституционного Суда по укреплению конституционного строя, утверждению начал законности в правотворчестве и правоприменении, нецелесообразно и нецелесообразно возлагать выполнение многогранной функции конституционного контроля только на один, пусть даже специально созданный для этого квалифицированный суд. В плане обеспечения конституционной законности в условиях единства судебной системы необходимо, указывает Т.А. Яшникова [5, с. 33], чтобы эта стержневая для всей судебной системы функция была в той или иной мере свойственна каждому звену, входящему в систему.

Позиция известного французского юриста Ж.-Л. Бержеля еще более категорична: «Для того чтобы интеграция (на соответствующем уровне в иерархии норм) фундаментальных принципов, имеющих значение для Конституции, была полной и действительно эффективной, необходимо, чтобы и судья общего суда, и судья административного суда, а также их арбитражный коллега были подчинены Конституционному Суду и применяли его решения» [6, с. 177]. Автор с сожалением констатирует, что французская правовая система сегодня не может служить примером такой интеграции, поскольку здесь не наблюдается и даже не ожидается сдвигов в этом направлении. Со своей стороны заметим, что французский случай – исключение, а не правило для конституционного контроля в странах с устойчивыми демократическими традициями.

Следует помнить о том, что в посткоммунистических странах в 90-е годы XX века именно конституционным судам было поручено выполнение этой особой задачи, которую, как считалось, не может выполнить ни один орган. Более того, по мере создания конституционных судов на волне институционального строительства в процессе перехода к демократии «эти незапятнанные себя органы, – по образному замечанию Р. Уитц, – приобрели очень высокую степень институциональной легитимности» [7, с. 109]. Но если с позиций государственного строительства картина более или менее ясна, то расстановка «чисто» правовых акцентов с точки зрения соотношения актов указанных судов требует более пристального рассмотрения.

Итак, когда речь идет о выявлении верховенства в системе государственной власти между указанными тремя судами, то вопрос – кто главнее? – попросту неуместен. Иное дело, когда необходимо оценить принимаемые данными органами акты с позиций теории права, и здесь постановка вопроса об их иерархии и юридической силе не только уместна, но и принципиально необходима. Действующее белорусское законодательство лишь отчасти вносит ясность по обозначенной проблеме, поэтому большинство рассуждений основывается на теоретических подходах.

Юридическая сила заключений Конституционного Суда характеризуется верховенством в системе законодательства (после Конституции) и приоритетом по отношению к постановлениям Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда. Выделенные аспекты верховенства необходимо оценивать через особенности производства, при котором в Конституционном Суде решается вопрос о проверке нормативных актов на предмет их конституционности. Не вполне понятно, какими соображениями руководствовался белорусский законодатель, выстраивая иерархию нормативных правовых актов в рамках статьи 10 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», исключив из нее акты Конституционного Суда, в то же время в статье 2 указанного Закона предусматривая их в системе законодательства. Это очередное свидетельство того, что проблема упорядочения системы законодательства – одно из самых «больных» мест правовой системы Республики Беларусь.

Заключение Конституционного Суда об утрате юридической силы законодательного либо управленческого акта – это решение нормативного характера, стоящее выше отменяемого нормативного акта, что логически объяснимо. Тождественно ли такое заключение самой Конституции? Ответ может быть неоднозначен прежде всего потому, что заключение выполняет преимущественно охранительную, а не регулятивную функцию. Можно предположить, что заключения близки к Конституции и по своей юридической силе напоминают конституционные законы, в сущности являя собой их нетрадиционную разновидность, «что вытекает из особой процедуры принятия, наименования, формы, производного характера от актов, по поводу которых возник спор о конституционности, своеобразного «смешения» элементов правотворчества, толкования и правоприменения» [8, с. 284]. Такая неопределенность, следует сказать, характерна и для западноевропейской юридической теории в целом, когда встает вопрос о включении судебной сферы в рамки иерархии правовых актов. Например, Ж.-Л. Бержель, занимаясь проблемой «встроенности» решений Конституционного Совета Франции в систему законодательства, пишет о том, что «их (решения) можно считать надзаконными и постконституционными» [6, с. 176].

Возвращаясь к белорусским реалиям, отметим, что наряду с верховенством в системе законодательства (на постконституционном уровне) заключения Конституционного Суда обладают и большей юридической силой по отношению к актам Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда. Данное утверждение, *во-первых*, основывается на тех положениях законодательства, где закрепляются полномочия Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда по обращению в Конституционный Суд относи-

тельно проверок на предмет конституционности актов, подлежащих судебному применению, а также обязанность этих органов руководствоваться решениями, принятыми Конституционным Судом (статья 10 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь»); *во-вторых*, часть 4 статьи 116 Конституции Республики Беларусь предусматривает ситуацию, при которой постановления Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда могут быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде и, соответственно, в случае подтверждения последним их неконституционной природы должны подлежать отмене на общих основаниях; *в-третьих*, характер заключений Конституционного Суда отличается преюдициальным свойством, что также может быть оценено в контексте положения об особой юридической силе заключений Конституционного Суда в сравнении с актами других судебных органов. Преюдициальность заключений Конституционного Суда как следствие их обязательности означает, таким образом, недопустимость оспаривания сторонами, иными лицами, участвующими в деле, в другом процессе фактов и правоотношений, установленных решением Конституционного Суда, вступившим в законную силу. Вывод о преюдициальном характере заключений Конституционного Суда основан на учете двух качеств решений такого рода: а) их обязательности для всех субъектов права (статья 10 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь»); б) недопустимости обжалования решений Конституционного Суда в какой-либо инстанции, тем самым предполагаемой в качестве вышестоящей над Конституционным Судом (часть 1 статьи 38 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь»); *в-четвертых*, нормы, содержащиеся в заключениях Конституционного Суда, отличаются по юридическим качествам от норм, содержащихся в постановлениях Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда. Во втором случае речь идет о своеобразных интерпретационных нормах, устраняющих двусмысленности в понимании закона правоприменителями, и они не направлены на изменение, дополнение либо отмену норм права, содержащихся в разъясняемых законодательных актах. В то время как нормы, содержащиеся в резолютивной части заключений Конституционного Суда о неконституционности того или иного нормативного акта, прекращают действие норм оспариваемого акта, и поэтому могут рассматриваться как разновидность оперативных норм. Можно сделать вывод о том, что нормы, содержащиеся в постановлениях Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда, в отличие от норм заключений Конституционного Суда, хотя и обладают значительной степенью обобщенности, в меньшей мере способны воздействовать на процесс правового регулирования общественных отношений.

По своей юридической силе постановления Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда нельзя поставить на один уровень с заключениями Конституционного Суда, к тому же эти акты не обязательны для других судов иной юрисдикции при рассмотрении конкретных дел, так как они самостоятельно толкуют законодательство в порядке делегированных полномочий. Особо подчеркнем и окончательный характер заключений Конституционного Суда, поскольку они не могут быть отменены или изменены не только другими органами государственной власти, но даже и самим Конституционным Судом, в то время как постановления Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда могут быть оспорены Конституционным Судом в установленных законом процессуальных формах. Именно невозможность пересмотра (в общепринятом его понимании и по общему правилу) заключений Конституционного Суда является важным условием сохранения стабильности и последовательности правового регулирования, существенной гарантией его независимости, исключительного юридического свойства принимаемых им решений.

Заключение. Иерархичность нормативных актов судебной власти соотносится не столько с иерархичностью соответствующих государственных органов, от которых исходят данные акты, сколько с аналогичным качеством самой системы законодательства Республики Беларусь. Будучи созданной на основе принципов системности и иерархичности, общая система источников национального права конкретизируется в возникающих в ее рамках по мере востребованности подсистемах и через них же реализуется.

Иерархичность в подсистеме актов судебной власти заключается в том, что одни, отдельно взятые акты (заключения Конституционного Суда) обладают большей юридической силой, чем другие (постановления Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда), и в случае возникновения коллизий между ними преимущество всегда оказывается на стороне первых по сравнению с последними. Однако наряду со связями прямого подчинения между указанными актами очень важно установить, в каком виде проявляются также связи координации и взаимодополнения. Именно во всей этой совокупности связей заключается смысл и содержание принципов системности и иерархичности источников права, образованных высшими судебными инстанциями Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченко, М.Н. Источники российского права: вопросы теории и истории: учеб. пособие / М.Н. Марченко. – М.: Норма, 2005. – 336 с.

2. Богдановская, И.Ю. Прецедентное право / И.Ю. Богдановская. – М.: Наука, 1993. – 239 с.
3. Лазарев, Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев. – М.: ОАО Издат. Дом «Городец»; «Формула права», 2003. – 528 с.
4. Сільчанка, М.У. Аб удакладненні месца і ўзмацненні ролі Канстытуцыйнага Суда ў сістэме судовай улады Рэспублікі Беларусь / М.У. Сільчанка // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 1999. – № 3. – С. 65 – 69.
5. Яшнікова, Т.А. Конституционный Суд в системе высших органов Российской Федерации / Т.А. Яшнікова. – М., 1994. – 137 с.
6. Общая теория права / Ж.Л. Бержель [и др.]; под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. Г.В. Чуршокова. – М.: Издат. Дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
7. Уитц, Р. Конституционные и верховные суды – партнеры или соперники? / Р. Уитц // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 1(42). – С. 109 – 122.
8. Овсепян, Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах / Ж.И. Овсепян. – Ростов н/Д: Литера-Д, 1992. – 320 с.
9. Несмеянова, С.Э. Судебная практика Конституционного Суда Рос. Федерации с комментариями / С.Э. Несмеянова. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – 480 с.
10. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н.В. Витрук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 527 с.

Поступила 01.10.2010

**ACTS OF THE HIGHER JUDICATURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
THE LEGAL NATURE AND PROBLEM OF THE RELATION**

A. PUGACHEV

The author considers a system of judicial decisions that have a normative character. The phenomenon of the judicial law is shown in the inseparable unity of the system of organization and functioning of the judicature in the Republic of Belarus. The author gives the reader some information on the main characteristics of normative legal acts of higher courts. It is actualized the problem of proper understanding of justice acts. Particular attention is paid to defining the validity of the Constitutional Court conclusions in the Belarusian legislation in relation to the acts of the Supreme Court and the Supreme Economic Court. The author goes on to say that the validity of the Constitutional Court conclusions has the supremacy in the legislation (after the Constitution) and priority over the decisions of the Supreme Court and the Supreme Economic Court. Designated aspects of the supremacy must be evaluated through the features of judicial proceedings, in which the Constitutional Court decided the issue of verification of legal acts for their constitutionality.